

Шрапнель [Shrapnel']. Vyp. 1 1905

Moskva: V. E. Miřiaëv, 1905

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/LACP2JGPTBTO582>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

+ Russian Underground
Rare Books
XII

Выпускъ I.

Цѣна 7 коп.

ШРАПНЁЛЬ

Shrapnel

Москва, 8 декабря 1905 года.

Патроновъ не жалѣть!

Первый гражданскій праздникъ „свободной Россіи“.

Не въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ
Ты явилась къ намъ Свобода:
Ты пришла въ крови народа,
И въ потокахъ горькихъ слезъ...

Пусть раскатами громовъ
Ты прошла надъ русскимъ краемъ,—
Мы тебя благословляемъ,
О, посланница боговъ...

Р. Мечъ.

Бойкотъ.

Бодрый духъ надъ русскимъ
краемъ
Совершаетъ свой полетъ,
Ломка старыхъ стѣнъ идетъ...
Новый храмъ мы создаемъ,
Темнымъ силамъ объявляемъ
Мы бойкотъ!..

Все, что мысль живую душитъ,
Все, свободу что гнететъ,
Цѣпи рабства намъ куетъ, —
Пусть мгновенно пропадетъ,
Пусть его во прахъ разрушитъ
Нашъ бойкотъ!..

Палачамъ, въ крови народной
Потонувшимъ, кто народъ
Дикой казни предастъ, —
Пусть ихъ громко проклянетъ
Голосъ родины свободной...
Имъ — бойкотъ!..

И всему, что передъ нами
На пути теперь встаетъ,
Тормозя свободы ходъ,
Мы дадимъ отпоръ. Впередъ...
Пусть объявитъ наше знамя
Имъ бойкотъ!..

Телеграммы.

ВНУТРЕННІЯ.

Н.-Новгородъ. Услыхавъ, что къ намъ назначается губернаторомъ Нейдгардтъ, — составляемъ духовныя завѣщанія и поручаемъ души Богу. Н.-Новгородъ постигаетъ судьба „Потемкина“: онъ будетъ переименованъ въ Одессу.

Воронежъ. Пзъ мѣстнаго банка какой-то Витте получилъ по подложному документу 24 тысячи. Въ виду возможной, сильной протекціи мѣры къ розыску мошенника не принимается.

Одесса. Все спокойно на мѣстныхъ кладбищахъ. Возбуждено ходатайство о прирѣзкѣ кладбищенской земли.

Нишинецъ. Въ окрестностяхъ начали появляться Берги. Нѣсколько штукъ замѣчено и въ самомъ городѣ. Настроеніе тревожное.

Томскъ. Мѣстный драматургъ написалъ пьесу — „Томскіе костры“. Идетъ въ бенефисъ мѣстнаго помпадуръ.

Харьковъ. Отбирание оружія у мирныхъ жителей и передача такого хулиганамъ идетъ усильно.

НАРУЖНЫЯ.

Лондонъ. Спѣшно приводится въ порядокъ запасная половина Виндзорскаго дворца. Король и королева ждутъ пріѣзда дорогихъ родственниковъ, спасающихся отъ русскаго погрома.

Константинополь. Султанъ, въ воздаяніе заслугъ, пожаловалъ ген.-м. Трепову орденъ „Кровавой Бани“, 1-й степени, адмиралу Чухнину — шелковый шнурокъ. К. П. Побѣдоносцеву предложенъ постъ главнаго евнуха при султанскомъ гаремѣ.

Малая Азія. Злѣшніе баши-бузукі шлютъ товарищескій привѣтъ російскимъ „чернымъ сотнямъ“.

СВЕРЖЕННЫЙ КУМИРЪ.

Былъ поставленъ надъ народомъ
Онъ кумиромъ произвола,
И пошла тутъ полнымъ ходомъ
„Узурпаторская школа“...
Взялъ онъ „миссію“ такую,
И, засѣвъ у насъ въ столицѣ,
Сталъ душитъ страну родную
Въ „полицейской рукавицѣ“...
Насъ на гибель обрекая,
Средь проклятій, воплей, сто-
новъ, —

Онъ кричалъ, повелѣвая:
„Не жалѣйте вы патроновъ!...“
Но теперь, на радость міра,
Власть его совсѣмъ увяла:
Полицейскаго кумира
Свергли быстро съ пьедестала!..
И теперь онъ озадаченъ,
И теперь онъ — злѣе турки:
Ахъ, смотрителемъ назначенъ
Онъ „дворцовой штукатурки!..“

Р. Мечъ.

Въ тюрьмѣ.

(Изъ севастопольскихъ мотивовъ).

Мы томились въ тюрьмѣ.

Холодныя, каменные стѣны были
нѣмы и глухи и тусклый, ноябрь-
скій день тревожно и грустно гля-
дѣлъ на насъ сквозь мутныя стекла
забитаго крѣпкой рѣшеткой окна.

И было тихо, до жути тихо, въ
нашей могилѣ и ропотъ встрево-
женнаго города безсильно гасъ, раз-
биваясь о мощныя стѣны нашей
тюрьмы.

— Когда-же? Когда?! — шептали
мы, и сердца наши бились такъ
сильно, что мы слышали бѣненіе ихъ.

И вдругъ, тамъ—вдали, куда рва-
лись наши сердца, что-то грозно,
но весело ухнуло, разъ, другой,
еще и еще... И дрогнули стѣны на-
шей тюрьмы, подлой, темной и не-
навистной. А грохотъ все росъ и
крѣпъ. Словно гигантскій молотъ
билъ разъяренно и гнѣвно раска-
ленное, беззвучное желѣзо. Тамъ—
ковали свободу, или же заковыва-
ли ее...

И въ яростномъ безуміи, изступ-
ленно стучали мы въ желѣзную
дверь, въ каменные стѣны, но никто
не слышалъ насъ, одинокихъ и за-
бытыхъ.

— Намъ не пробить эту стѣну! —
въ отчаяніи сказалъ товарищъ. —
Я поставилъ его къ стѣнѣ, всталъ
ему на плечи, и ухватился горячими
руками за холодную, осклизшую
рѣшетку, взглянулъ въ окно... Сквозь
мутныя стекла я видѣлъ только мут-
ное небо и слышалъ тотъ же гроз-
ный грохотъ орудій и кровожадную
дробь барабановъ и пулеметовъ...

И я стоялъ долго, долго, пока
грохотъ не смолкъ и руки не оцѣ-
пенѣли. И когда я въ изнеможеніи
опустился внизъ и сѣлъ рядомъ съ
товарищемъ, тамъ за стѣнами кто-то
рычалъ, грозно и торжествующе:

— А-а-а-а!

Но кто торжествовалъ—мы не зна-
ли. А когда наступила ночь, зарево
пожаровъ ворвалось сквозь мутныя
стекла окна въ нашу темницу и за-
трепетало на стѣнѣ завѣтнымъ крас-
нымъ знаменемъ.

И мы встали подъ это знамя, смѣ-
лые, сильные, гнѣвные и крикнули:
— Да здравствуетъ свобода!

И отъ этого крика дрогнули стѣны.
А красное знамя безшумно тре-
петало надъ нами и звало на новый
бой, къ новымъ побѣдамъ.

В. Ч-ой.

Тоже недовольный.

„Многіе видные сановники
въ настоящее время переводятъ
въ заграничные банки крупныя
суммы денегъ“.

(Изъ газетъ).

Кабинетъ въ „новѣйшемъ стилѣ“
Тонетъ въ жуткомъ полумракѣ,
Въ домѣ какъ-то приуныли,
На дворѣ молчатъ собаки...
Плотно спущены гардины:
Въ кабинетѣ бюрократа,
Мрачно выглядятъ картины,
Жутко комната объята...
За столомъ сидитъ сановникъ,
И ругаетъ онъ, суровый,
Все тебя, бѣднякъ-чиновникъ,
Все тебя, батракъ почтовый.
Онъ вздыхаетъ: „Боже, Боже!“
Что за дни теперь настали?
Ни на что, вѣдь, не похоже:
Почтари забастовали!
Не могу по телеграфу
Я теперь ни съ кѣмъ сноситься,
Безпорядокъ этотъ графу
Неужели-же простится?
Я объять жестокихъ страхомъ,
Не дають покоя думы...
Здѣсь кругомъ все пахнетъ „крахомъ“,
У меня-жъ большія „суммы“,
Отъ подъемныхъ и столовыхъ,
Отъ прогонныхъ и квартирныхъ,—
Цѣлый пукъ бумажекъ новыхъ,
Соблазнительныхъ, но смирныхъ.
Этимъ „цѣнностей“ итоги
Секретарь подвелъ мой личный,
Переправить безъ тревоги
Въ банкъ хотѣлъ ихъ заграничный.
Я спѣшу во дворъ почтамта,
Къ сердцу „суммы“ прижимая,
Ну, а тамъ-то, ну, а тамъ-то!
Тишина царитъ нѣмая!
Говорятъ,—забастовали,
Говорятъ, что нѣтъ пріема...
И держу теперь въ печали
Дорогія „суммы“ дома...
Я отъ страха просто боленъ,

И клянусь свой рокъ суровый...

Заявлю: недоволенъ

Забастовкой я почтовой.

Попадись теперь виновникъ,—

Съ нимъ смогу распорядиться!“

Слышишь ты, батракъ-чиновникъ?!

„Онъ“ изволилъ разсердиться!..

Р. Мечъ.

ВЪ АЛЬБОМЫ

Генералу СКАЛОНУ.

Ты, храбрый генералъ, ка вѣкъ
себя прославилъ,
Какъ говорятъ, ты Польшу ус-
мирилъ
И памятникъ себѣ изъ висѣлицъ
поставилъ,—
Но жаль,—ни подъ одной изъ
нихъ не опочилъ.

Графу ВИТТЕ.

Не говори, что трудно жить,
Что недовѣріемъ ты связанъ:—
Премьеромъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.

РАЗГОВОРЫ.

— Такая масса таракановъ въ
квартирѣ! Просто не знаю, какъ
отъ нихъ избавиться.

— Повѣсь на стѣнку Нейд-
гардта: всѣ тараканы разбѣгутся.

— Отъ хулигановъ нѣтъ про-
ходу!

— Отъ какихъ? Вѣлохмотьяхъ,
или въ мундирахъ?

— Я въ день могу выкурить
сто штукъ папирозъ.

— А попробуй вотъ „выку-
рить“ одного Дурново!...

— Хочу вамъ предложить
дѣльце,

— А деньги вѣрныя?

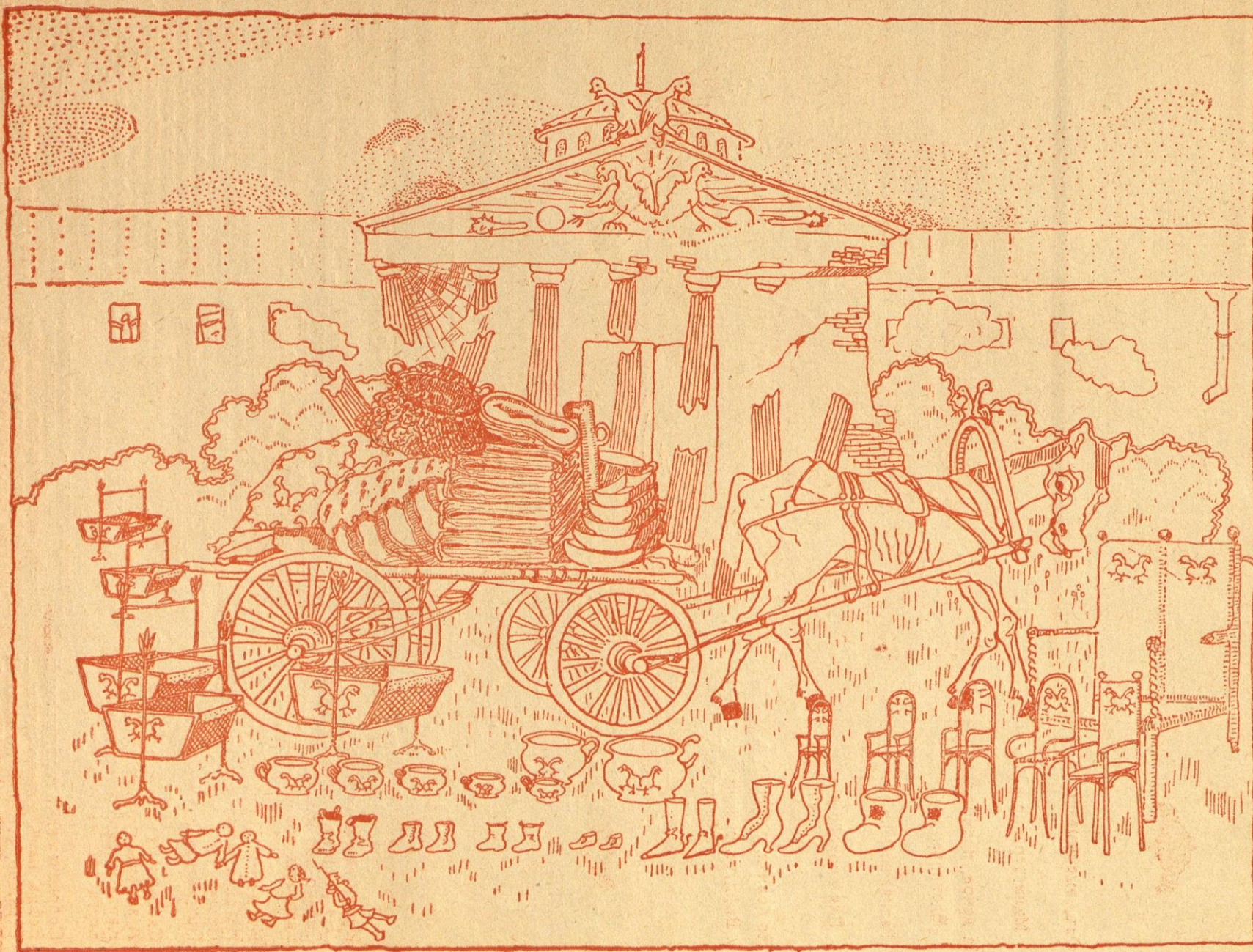
— Какъ въ государственномъ
банкѣ.

— Тогда позвольте мнѣ по-
думать...

(Вольнсе подраженіе графу
Толстому).

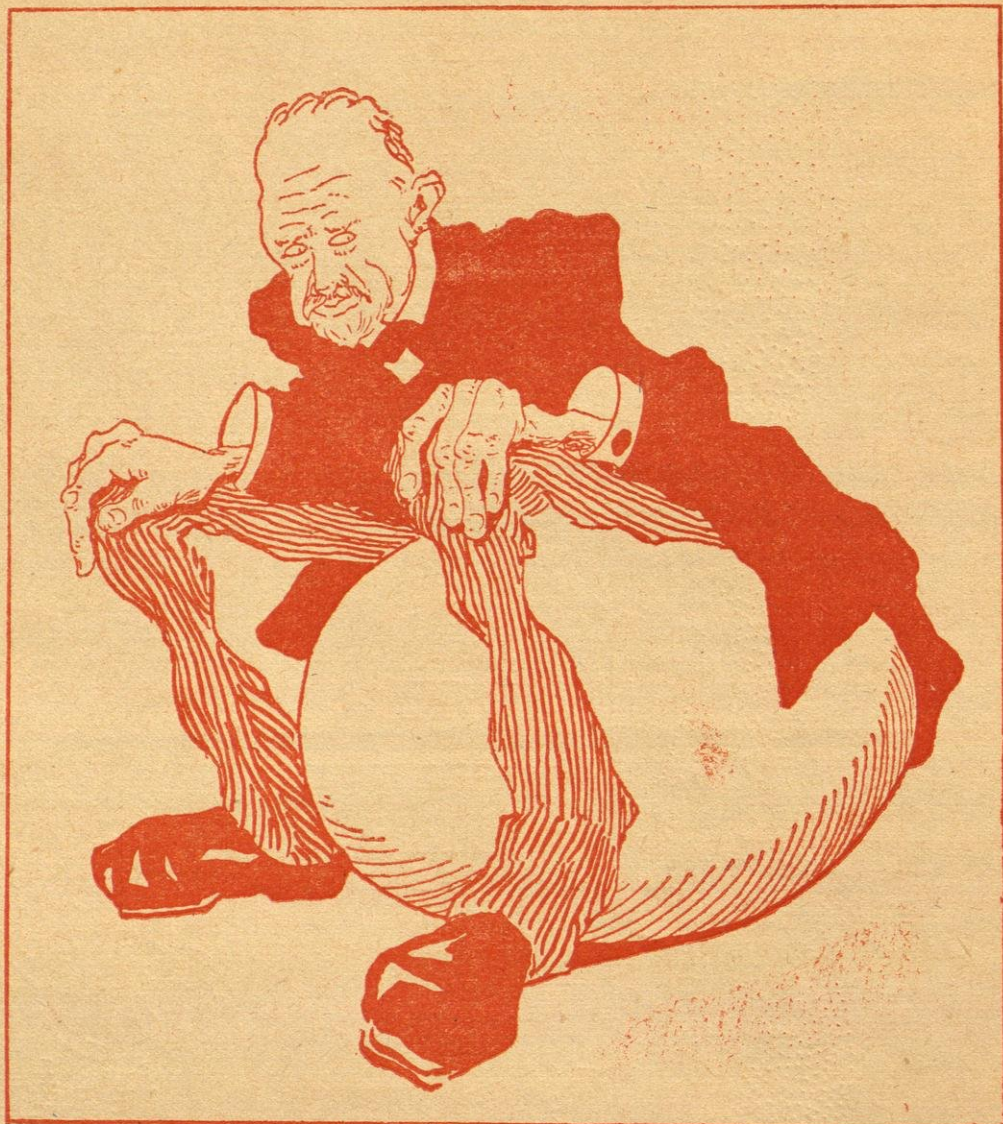
Эхъ, кабы Русь матушка прежней
Русью стала,
Кабы можно, братцы, начать
жить сначала,
Кабы, брать какъ прежде у
казны подряды,
Да за свою ловкость получать
награды,
Да кабы намъ, братцы, звѣзды
да кафтаны,
Да кабы замазать намъ свои
изъяны,
Да кабы рабочихъ обмануть
пришлось,
Да кабы по старому жить намъ
удалось,
Да кабы демократовъ по боку
да къ черту,
Да кабы Митѣ Трепову снова
дать когорту,
Бунтарей нагайка кабы усмири-
ла,
Хорошо бы братцы, всѣмъ тог-
да намъ было!

Домрачей.

Охъ, высиживаетъ
Витте
Министерское яйцо,
И какое, посмотрите,
„Вдохновенное“ лицо!
„Радикальнѣйшія“
мѣры,
Для спокойствія
страны:
Но боимся, у премьера,
Выйдутъ только
„болтуны“!

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

Идутъ кадры черной сотни
„Патреотовъ“ рядъ лихихъ...
Словно лай изъ подворотни
Раздается говоръ ихъ.

Къ мѣсту Лобному гурьбою
Нагоняя всюду страхъ,
Прутъ... У каждого съ собою
По „воззванію“ въ рукахъ.

Сколько ихъ, куда ихъ гонять!?
И зачѣмъ хунхузы тутъ!?
Карла-ль Грингмута хоронять?
Берга вѣшать ли идутъ?

Собрались какъ волки въ полѣ,—
Всѣмъ намъ вѣдомо зачѣмъ...
Страшно, страшно по неволѣ!
Ну, а вамъ, баронъ Медемъ?!

Родя.

Къ позорному столбу

О, Геній-Залой, дворцовой подворотни
Россійскій Тьеръ безъ сердца и стыда,
Архистратигъ постыдной черной сотни,
Коварный врагъ свободы и труда!
Ты не жалѣлъ ни сабель, ни патроновъ,
Въ крови борцовъ ты руки обогрѣлъ,
Не слышалъ ты ни ропота, ни стонувъ
И ничего святого не шадилъ.
Но близокъ день (не всѣ въ бою мы ля-
жемъ)

Когда окончивъ трудную борьбу,
И побѣдивъ, тебѣ съ презрѣньемъ ска-
жемъ:

Къ позорному столбу!

Министръ премьеръ—полакомъ пробрав-
шись къ трону
Министръ-торгашъ съ холопскою душой,
Купилъ себѣ ты графскую корону
Цѣною лжи, какъ маклеръ биржевой,
Какъ Мирабо подъ маской лицемерья
У либераловъ нагло ты просилъ
Къ своей игрѣ сердечнаго доверья,

И за отказъ репрессіями мстить.
Но близокъ часъ (не всѣ въ бою мы ля-
жемъ)

Когда окончивъ грозную борьбу
И побѣдивъ, тебѣ съ презрѣньемъ ска-
жемъ:

Къ позорному столбу!

И ты душа дворцовой камарилы
Сухой ханжа, благочестивъ и плутъ,—
Пользѣвѣ ты, молился о насильи
Воготовя оковы, рабство, кнутъ.
И тѣмъ кругомъ всю жизнь алорадно сѣя
Во тѣмъ народъ совѣтовалъ держать,
Леауить съ закваской фарисея
Не могъ свою ты родину повять...
Но близокъ часъ (не всѣ въ бою мы ля-
жемъ)

Когда окончивъ трудную борьбу
И побѣдивъ, тебѣ съ презрѣньемъ ска-
жемъ:

Къ позорному столбу!

Датель.

Владиміръ — Мирная манифестація.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Собрались на сходъ, гуторять,
У расправы мужики:—
„Говорятъ, въ Самарской порятъ
Дюже нашихъ казаки...
А теперь и къ намъ прислали,
Вишь изъ Питера указъ—
Чтобъ оброка не давали,—
Молъ довольно будетъ съ васъ“...
„Земскій, земскій“! Смокли рѣчи,
Земскій гордо въ кругъ вошелъ,—
Вадѣлъ онъ цѣпь свою на плечи,
И такую рѣчь повелъ:...

„Скинуть шапки! Встать къ овину,
Слушай милость вамъ дана,
Выкупныхъ лишь половину
Будетъ взыскивать казна,
А потомъ—и вовсе сложить,—
Банкъ крестьянскій денегъ ластъ,
Подгъ раздѣлитъ, переможитъ,

Землю купить, вамъ продать“...
Ванька эту рѣчь и слышалъ,
Но хотѣлъ поразспросить.
Изъ толпы впередъ онъ вышелъ
И сказалъ: „коли платить
Половину,—что же брали,
Уйму денегъ столько лѣтъ?—
Для чего намъ спины драли
Коль оброка къ сроку нѣтъ?...
Не согласны!...

Земскій пишетъ:

Гнѣвомъ, видя эту тьму.—
Изъ толпы же Ванька слышитъ
Старики твердятъ ему:
„Ванька! Тише! тоже—скажетъ!
Хоть при земскомъ помолчи...
Слышь—слобода“! Енъ те смажетъ,
Сдѣлай милость, получи!

Стрый.

Въ 24 часа.

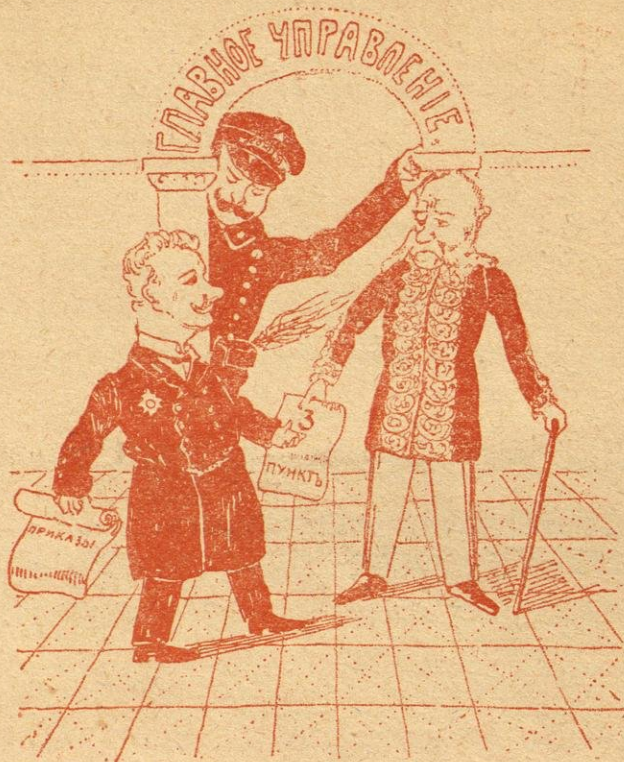
(Повышается только не Трепову)

Что это только творится
Въ толкъ я никакъ не возмю:
Плети мужикъ не боится,
Дали свободу уму,—
Митинги, рѣчи, союзы,
Всѣ о свободѣ кричать,
Пали молчанія узы,
Въ моду вошелъ демократъ...
Если-бъ была моя сила,
Я бы творилъ чудеса:
Всѣхъ „этихъ“—тихо и мило
Въ двадцать четыре часа!

Витте—довѣрія просить,—
Графъ и премьеръ—у кого жъ?..
Принимать усердно доносы,
Но говорить—это ложь...
Даже какой то чинуша
Отъ почтарей делегаты,—
Вопять, долгъ службы наруша,
Что Дурново виноваты..
Если-бъ была моя сила,—
Я бы творилъ чудеса,—
Всѣхъ „этихъ“—тихо и мило
Въ двадцать четыре часа!

Жаль, что теперь я въ оналъ
Сталъ мой ненуженъ совѣтъ,
Если-бы волю мнѣ дали,
Спасъ бы страну я отъ бѣды,
Духомъ спокойный и твердый,
Даль бы я грозный приказъ
Витъ всѣмъ крамольникамъ морды
Смута тогда-бъ улеглась.
Я усмирилъ бы стихію,
Я бы творилъ чудеса,
И растрѣлалъ бы Россію.
Въ двадцать четыре часа!

Н. Соколь.

Боясь „союза“, какъ заразы,
Лютуютъ эти господа
Но не спасутъ ихъ отъ суда
Ни „третьи пункты“, ни приказы!

ЕСТЬ и НѢТЬ.

Въ Манчжуріи.

„Пулеметовъ, ружей шлите!
А на это имъ въ отвѣтъ;
„Ружей мало, подождите,
Пулеметовъ—вовсе нѣтъ.“

Въ Россіи.

Собралася тьма народу,
Бодро, съ пѣснями идуть,
Флаги красные несутъ,
Чтобъ отпраздновать свободу:
Пулеметы тутъ какъ тутъ!
Фи—ша,

Адмиралу Чухнину.

Не говори—„война родитъ ге-
роевъ“

И безъ войны,
Во времена террора и разбоевъ
Родятся Чухнины.

А. И. Гучнову съ братіей.

Витте давъ свою довѣренность
Не стыдись людской молвы
Нагло, рабскую умѣренность,
Проповѣдуете вы.

Объявленія.

НОВАЯ КНИГА:

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.

Сочин. Т. Р. Епова.

Можно получать во всѣхъ поли-
цейскихъ участкахъ Россійской
Имперіи, и при канцеляріяхъ
тюремныхъ замковъ.

ЛЫЖИ.

Патентъ № 0023796. Легко и
незамѣтно укладываетъ въ кар-
манъ. Особенно рекомендую-
тся гг. министрамъ изготов-
лены въ Финляндіи.

Новый романсъ:

„КАКЪ Я УСМИРИЛЪ ПОЛЬШУ“.

для пулемета въ 4 руки.

Соч. С. Н. АЛОНА.

Складъ изданія: ВАРШАВА, ЗАМОКЪ.

СБѢЖАЛЪ.

„Помпадуръ“. Примѣты: морда
звѣрская, лапы въ крови. На-
шедшаго просятъ обратно въ
Россію не доставлять.

РУКОПИСИ

для слѣдующихъ сборниковъ
адресовать: книжный магазинъ
„ИСКРА“ (Тверская, у памят-
ника Пушкина).